

С.Б.Роцинский

Владимир Соловьев: философское вглядывание в грядущее время

Роцинский Станислав Борисович, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

E-mail: rotsinsky@bk.ru

Философия В.С. Соловьева рассматривается с точки зрения ее прогностической функции. Показано, что в своем учении русский мыслитель предвосхитил постановку, а отчасти и философское разрешение ряда важнейших проблем нашего времени. Доказывается, что в сочинениях философа содержатся пророческие размышления о перспективах существования человечества как единого и взаимозависимого целого. В этом контексте философ теоретически и методологически, в парадигме целостной системы обосновал сущность феномена, получившего впоследствии название глобализации. Показаны особенности философского провиденциализма Соловьева, который изображал не модели будущего общества, а говорил о тех отношениях, которые будут определять качество совместного бытия людей в будущем сообществе. Проведен анализ социально-философских и историософских построений Соловьева, ориентированных на будущее, которое он рассматривал как в эсхатологической, так и в исторической перспективе. Обосновывается вывод, что в системе Соловьева получили фундаментальное обоснование актуальные в последнее время идеи примирения, взаимопонимания, диалога, неконфронтационного сосуществования людей, народов и государств в составе единого человечества. На основе анализа текстов Соловьева и конкретных исторических фактов доказывается, что философ достаточно верно предугадал основную мировую тенденцию нашего времени, а именно: в условиях целостного и взаимозависимого мира мирному сосуществованию людей и народов нет разумной альтернативы, поскольку дальнейшее движение по конфронтационному пути грозит планетарной катастрофой.

Ключевые слова: *единство, множество, всеединство, примирение, синтез, диалог, ненасилие, коэксистенция, человечество, всечеловечество.*

Vladimir Solovyov: philosophical gazing in the future time

V.S. Solovyov's philosophy is considered from the point of view of its prognostic function. It is shown that in the doctrine the Russian thinker has anticipated statement, and partly and philosophical permission of a number of the major problems of our time. It is proved that compositions of the philosopher contain prophetic reflections about prospects of existence of mankind as single and interdependent whole. In this context

the philosopher theoretically and methodologically, in a paradigm of complete system has proved essence of the phenomenon which has received subsequently the name of globalization. Features of a philosophical providentialism of Solovyov who represented not models of future society, and spoke about those relations which will determine quality of joint life of people in future community are shown. The analysis of the social and philosophical and historiosophical creations of Solovyov oriented to the future which he considered both in eschatological, and in historical prospect is carried out. Conclusion is proved that in Solovyov's system ideas of conciliation, mutual understanding, dialogue, not confrontational coexistence of people, people and the states actual recently as a part of single mankind have received fundamental reasons. On the basis of the analysis of texts of Solovyov and concrete historic facts it is proved that the philosopher has rather truly foreseen the main world tendency of our time, namely: in the conditions of the complete and interdependent world peaceful coexistence of people and people does not have reasonable alternative as further movement on a confrontational way threatens with planetary catastrophic crash.

Keywords: *unity, set, allunity, reconciliation, synthesis, dialogue, non-violence, coexistence, mankind, allmankind.*

Труды выдающегося русского мыслителя В.С. Соловьева представляют собой оригинальную и многогранную философскую систему, которая включает в себя онтологию, теорию познания, историософию, этику, эстетику, другие разделы философской мысли. Несмотря на приоритет в творчестве мыслителя сугубо философского начала, практически все его сочинения имеют выход на проблемы, так или иначе связанные с вопросами общественного бытия, человеческих взаимоотношений, нравственности и права – всего того, что обеспечивает условия достойного человеческого существования как в локальном, так и в общемировом масштабе. Причем именно социально-гуманитарная проблематика зачастую выступает в качестве направляющей идеи философского замысла Соловьева, а метафизические построения и дискурсы, теологические параллели и реминисценции служат духовно-теоретическим обоснованием создаваемого им общественного идеала и поиска путей, ведущих к его осуществлению. На это обращали внимание Е.Н. Трубецкой, С.Н. Булгаков и другие видные исследователи творчества Соловьева. В частности, В.Ф. Асмус писал, что всё учение Соловьева «как бы цементируется и организуется одной центральной мыслью, одной руководящей тенденцией... Мысль эта в первом схематическом приближении может быть сведена ко взгляду на философию не как на отвлеченное познание действительности, но как на особый вид творчества, которое, опираясь на конкретное и целостное познание действительности, своей последней задачей имеет уже не только и

даже не столько познание, но прежде всего – пересоздание действительности, возвышение ее до последней ступени реальности и совершенства»¹.

Главный пункт своего философского замысла В.С. Соловьев достаточно определенно обозначил еще на заре творческой юности. Об этом он писал в студенческие годы в одном из писем своей любимой девушке Кате Романовой (в замужестве – Е.В. Селивановой): «С тех пор, как я стал что-нибудь смыслить, – я сознавал, что существующий порядок вещей (преимущественно же порядок общественный и гражданский, отношения людей между собою, определяющие всю человеческую жизнь), что этот существующий порядок далеко не таков, каким *должен* быть, что он основан не на разуме и праве, а напротив, по большей части на бессмысленной случайности, слепой силе, эгоизме и насильственном подчинении... Сознательное убеждение в том, что настоящее состояние человечества не *таково, каким быть должно*, значит для меня, что *оно должно быть изменено, преобразовано*»². И до конца жизни философ оставался верен этой теме. К ней он обращается и в ранних своих работах «Чтения о Богочеловечестве» и «Философские начала цельного знания», и в докторской диссертации «Критика отвлеченных начал», и в публицистических выступлениях. «Откинув действительность негодную, я должен заменить ее тем, что достойно существования...»³, – писал мыслитель в итоговом труде своей жизни «Оправдание Добра. Нравственная философия».

Центральное звено всей системы Соловьева – идея всеединства, мысль о том, что существует неразрывная связь мира в целом и отдельных конкретных вещей и существ, которые являются лишь различными проявлениями всеобщего единства. Суть идеи всеединства сводится к утверждению принципа «единства единства и множественности», онтологического равенства этих начал. «Совершенное всеединство, по самому понятию своему, – писал Соловьев, – требует полного равновесия, равноценности и равноправности между единым и всем, между целым и частями, между общим и единичным»⁴. В своем творчестве мыслитель предпринял попытку гармонизации космических, социальных и

¹ Асмус В.Ф. Владимир Соловьев. М.: Прогресс, 1994. С. 65–66.

² Соловьев В.С. Письма // «Неподвижно лишь солнце любви...». Стихотворения. Проза. Письма. Воспоминания современников. М.: Московский рабочий, 1990. С. 173.

³ Соловьев В.С. Оправдание Добра. Нравственная философия // Соч. в 2 т. Т.1. М.: Мысль, 1988. С. 325.

⁴ Соловьев В.С. Первый шаг к положительной эстетике // Соч. в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. С. 543.

индивидуальных основ человеческого существования, синтеза общемирового развития и истории отдельных народов, согласования жизненных начал человеческого сообщества и конкретных человеческих личностей.

Но подобная картина гармонически согласованной целостности – отнюдь не изначальная данность наличной действительности, а только идея этой действительности, существующая в области божественного Абсолюта. Она может рассматриваться только как идеальная форма, абстрагированная от всякого содержания. Лишь соединение формы с содержанием превращает идеальное в реальное, сущность – в сущее. Применительно к идее всеединства это сущее есть *всеединое* – как некая реальность, которая кроме порядка абсолютного имеет еще и порядок генетический, оно не только есть, но и становится.

Несовершенство, совершенствование, совершенство – три ключевые понятия, которыми Соловьев характеризует путь развития мировой жизни. Важнейшим и наиболее проблематичным для него является второе из них. Именно в процессе *совершенствования* заключается главная драма реальной действительности, конечно же, очень далекой от того идеала абсолютного всеединства, который царит в сфере духовной действительности. Для метафизической интерпретации явлений и процессов, происходящих в посюстороннем мире, Соловьев применяет понятие «становящееся всеединое», с помощью которого решает трудные проблемы философского «оправдания» таких вещей, как трагическое несоответствие реального идеальному, случайного необходимому, относительного абсолютному.

Таким образом, философа занимает не столько восхищение перед гармонией идеального всеединства, сколько проблема достижения такой гармонии на земле. Исторический процесс перехода от несовершенного единства к совершенному, осуществление всеединства как истины и гармонии бытия, считал Соловьев, происходит как в отдельном человеке, так и во всем человечестве: «Но и всеобщая история также показывает нам, как еще более трудными и сложными путями собирается вся земля, целое человечество вокруг невидимого, но могучего центра христианской культуры и как, несмотря ни на какие препятствия, все растет и крепнет создание всемирного единства и солидарности»⁵. Исторический процесс совершенствования человека и человечества, как и реальные результаты этого процесса, Соловьев называет именем

⁵ Соловьев В.С. Первый шаг к положительной эстетике. С. 552.

София, которая выступает как символическое олицетворение преобразующей активности божественной Премудрости и божественной Воли. Благодаря софийной силе идеалы Добра озаряются в душах людей светом Истины и в результате человеческой деятельности воплощаются в земной Красоте как в высшем единстве идеального и материального, единого и многого. Онтологический принцип, таким образом, соединяется с реальной действительностью, превращается из формальной причины в причину целевую. Все исходит от Бога и возвращается к Богу: из трансцендентной сущности Бог переходит в имманентное стремление к совершенствованию действительности.

В Софии божественный мир соединяется с миром природным, и центром такого соединения выступает человек. Только человек наделен способностью внутренне воспринимать божественный Логос и взаимодействовать с ним. В начале своих творческих исканий Соловьев разделял мысль, что для осуществления задачи преобразования действительности достаточно индивидуального совершенствования, что мир будет становиться лучше исключительно благодаря тому духовно-нравственному очищению, которое происходит внутри каждой личности. Однако со временем он приходит к выводу, что этого недостаточно, что наряду с совершенствованием индивидуальным необходимы усилия и по качественной перестройке форм организации человеческого общежития. Эту мысль он формулирует в заключительной части «Оправдания Добра»: «Итак, по естественным и нравственным основаниям процесс совершенствования, составляющий нравственный смысл нашей жизни, может быть мыслим только как процесс собирательный, происходящий в собирательном человеке, то есть в семье, народе, человечестве. Эти три вида собирательного человека не заменяют, а взаимно поддерживают и восполняют друг друга и, каждый своим путем, идут к совершенству»⁶.

Таким образом, хотя Соловьев и воспаряет высоко в своих метафизических построениях, он непременно вновь и вновь опускается на землю, чтобы показать, насколько труден этот путь к Богу, насколько мало еще продвинулось по нему человечество, насколько незначительны его успехи в деле собственного совершенствования. «...Уже один тот основной факт, что мир, в котором мы существуем, вместо того чтобы быть реализацией нашего глубочайшего божественного существа, есть для нас мир внешний и

⁶ Соловьев В.С. Оправдание Добра. С. 546–547.

чуждый, очевидно, означает, что в нашей действительности нет истины, что мы живем не в истине, а потому и не познаем истину. Конечно, истина вечно есть в Боге, но, поскольку в нас нет Бога, мы и живем не в истине: не только наше познание ложно, ложно само наше бытие, сама наша действительность»⁷.

Человек все еще остается по преимуществу существом природным, его актуальное бытие принадлежит не идеальному всеединству, а хаосу раздробленности, эгоистической розни, борьбе за существование. Тем не менее, несмотря на все трудности и ошибки, какие-то шаги, пусть мелкие и неуверенные, человек все же делает по пути к Богу. Сложность исторического пути совершенствования человечества Соловьев объясняет прежде всего тем, что человек создан *свободным*. Свобода же предполагает путь не только вверх, но и вниз, движение не только по ровному пути истины, но и по ухабам заблуждений. Стремление к истине, к всечеловеческому единству должно исходить не только от божественного начала, а идти прежде всего от человека, быть его собственным делом, свободным, добровольным выбором. Соловьев ни в коей мере не исключает сознательного, деятельного участия каждого отдельного человека в приближении желаемого состояния. Напротив, считает он, «настоящая объективная нравственность состоит для человека в том, чтобы он служил сознательно и свободно этой общей цели, отождествляя с нею свою личную волю»⁸. Несогласованное и враждующее множество элементов в составе человечества последовательно, по мере постижения истины, будет переходить от своей неопределенности ко все более и более полным определениям всеединства, следовательно, ко все большей полноте совершенства мировой жизни. В результате длинного и трудного пути, уверен Соловьев, люди и народы непременно должны примириться, прийти в согласие с собой и Богом.

Но каким образом может быть достигнуто совершенное общество? Каким путем следует двигаться к нему? Какие средства пригодны для достижения цели? Подобные вопросы были вовсе не праздными для молодого Соловьева. Нельзя сбрасывать со счета, что формирование его мировоззрения происходило в атмосфере, густо насыщенной духом социальных перемен и идейно-политических коллизий. В ту пору, когда философия еще не успела оправиться от николаевских притеснений, просвещенные умы питались публицистикой, которая

⁷ Соловьев В.С. Критика отвлеченных начал // // Соч. в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. С. 743.

⁸ Соловьев В.С. Философские начала цельного знания // Соч. в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. С. 177.

если и доносила до своего читателя философские идеи, то по преимуществу это были идеи позитивизма и материализма, на основе которых строились отечественные социально-политические концепции, ведущие зачастую к революционным выводам. Соловьев зачитывался Писаревым, не только изучал труды теоретиков социализма, но и симпатизировал их идеям. Со временем многие его взгляды претерпели существенную эволюцию, вплоть до превращения в противоположность. В частности, по поводу социализма он уже в 1878 году писал, что между христианством и социализмом «та маленькая разница, что христианство требует отдавать свое, а социализм требует брать чужое»⁹.

В зрелые годы В.С. Соловьев был по своим политическим воззрениям скорее реформатором либерально-консервативной ориентации и не раз высказывал критическое отношение к существующим порядкам. Но во взглядах на средства и способы достижения общественного идеала Соловьев исходил из принципов христианского гуманизма, исключая насилие. После убийства Александра II он в своем публичном выступлении, хоть и высказался за помилование цареубийц, безоговорочно осудил террор как средство достижения пусть самой благой цели. Философ выступил с резкой полемикой, направленной против проповедуемой идеологией революционного народничества установки на «историческое делание». Ибо ради достижения революционной цели усилия «делателей» направляются на устранение препятствий, стоящих на пути к ней, а так как существующее держится людьми и обществом, то все это «делание» обращается в насилие над людьми и обществом. «На вопрос: что делать? – получается ясный и определенный ответ: убивать всех противников будущего идеального строя, т.е. всех защитников настоящего»¹⁰, – писал Соловьев. Он считал, что нравственное несовершенство царит как среди властвующих и благоденствующих, так и среди подневольных и недовольных. Поэтому при существующем состоянии человеческой природы недовольные «делатели истории» способны лишь на разрушения и убийства.

Вместе с тем, позиция В.С. Соловьева несколько не сводилась к квиетизму или фаталистической пассивности. Признавая объективную целенаправленность общественного развития, Соловьев, тем не менее, отводил деятельную роль в этом процессе личности. Еще в

⁹ Соловьев В.С. Чтения о Богочеловечестве // Соч. в 2 т. Т. 2. М.: Правда, 1989. С. 10–11.

¹⁰ Соловьев В.С. Три речи в память Достоевского // Соч. в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. С. 309–310.

магистерской диссертации он говорил следующее: «Что такое в самом деле история, как не постоянное осуществление человеческой деятельностью того, что сначала является лишь как субъективный, недействительный идеал? ...Воля перешла в действие, а действие оставило вещественные результаты»¹¹.

В более поздних работах, в особенности в «Оправдании Добра», Соловьев подробно и обстоятельно излагает свою концепцию личности и ее роли в общественном развитии. Личность, говорит он, «является в избранных своих представителях началом движения и прогресса (динамический элемент истории), тогда как данная общественная среда... представляет косную, охранительную сторону (статический элемент истории). Когда единичные лица, более других одаренные или более развитые, начинают испытывать действие своей общественной среды не как осуществление и восполнение их жизни, а лишь как внешнее ограничение и препятствие для их положительных нравственных стремлений, тогда они становятся носителями высшего общественного сознания, которое стремится затем к воплощению в новых соответствующих ему формах и порядках жизни»¹².

И еще немаловажный момент, характеризующий эволюцию Соловьева в сторону социального активизма. Если в начале 80-х годов мыслитель еще делал упор главным образом на внутреннее совершенствование личности как главный фактор прогресса, то спустя несколько лет в его творчестве появляется озабоченность несовершенством внешних форм общественной организации. Этот поворот во взглядах Соловьева высоко оценил П.И. Новгородцев, который в статье «Идея права в философии В.С. Соловьева» писал: «Чем больше Соловьев останавливался на этом вопросе об условиях нравственного прогресса, – тем более представлялось для него ясным, что тут недостаточно одного индивидуального совершенствования лиц: необходимы соответствующие изменения общественного строя»¹³. В своем обобщающем труде «Оправдание Добра», относящемся к середине 90-х годов, Соловьев называет заблуждением одностороннюю абсолютизацию как внутреннего, так и внешнего совершенствования. Истину он видит в синтезе этих двух путей прогресса, которые дополняют и обуславливают друг друга. *«Степень подчинения лица обществу должна соответствовать*

¹¹ Соловьев В.С. Кризис западной философии (Против позитивистов) // Соч. в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. С. 94.

¹² Соловьев В.С. Оправдание Добра. С. 287.

¹³ Новгородцев П.И. Идея права в философии Вл.С. Соловьева // Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М.: Пресса, 1991. С. 535.

степени подчинения самого общества нравственному добру»¹⁴, – так решает Соловьев проблему отношения личности к наличным общественным порядкам. Если личность перерастает форму господствующего в обществе ограниченного нравственного содержания, то она получает моральное право на протест и заявление своего требования на совершенствование общественного устройства. Естественно, не прибегая к насилию и не призывая к нему.

Таким образом, личность и общество выступают у Соловьева как полюсы диалектического взаимоотношения. При этом общество представляет собой консервативную сторону, а личность – деятельную, выступая как движущее начало истории. Иными словами, в историческом процессе диалектически взаимодействуют, с одной стороны, начало объективное, выступающее как тенденция законосообразности, идущая от идеальной, божественной первопричины, и, с другой стороны, начало субъективное, вносящее в ход развития элемент свободного целеполагания. В построении своей модели социальной диалектики В.С. Соловьев идет от Священного писания. Бог создал человека по образу и подобию своему, следовательно, он его наделил и свободой. Обладая этим свойством, личность не может всецело зависеть от чего-либо внешнего, в том числе и от плана Божественного промысла. Не принимает Соловьев и гегелевской идеи о фатальности мирового процесса.

Личностей, которым дано прозревать путь в будущее, в труде «Оправдание Добра» Соловьев, прибегая к привычной для него символике, называет пророками. Пророк, правитель, священник – олицетворение связи времен: священники призваны хранить заветы прошлого, правители должны заботиться о настоящем, пророки – узреть и призывать будущее. «Истинный пророк есть общественный деятель, безусловно независимый, ничего внешнего не боящийся и ничему внешнему не подчиняющийся, ...кто в последнем основании не знает другого мерила суждения и действий, кроме доброй воли и чистой совести»¹⁵. Перед личностью – пророком, социальным критиком – находится ее диалектическое «свое другое» – общество, которое может развиваться лишь тогда и постольку, когда и поскольку в нем появляются личности, нравственно переросшие существующие формы отношений.

Считая существующий порядок несовершенным, требующим положительного переустройства, В.С. Соловьев в то же время не видел достойного варианта такого переустройства в предлагаемых в

¹⁴ Соловьев В.С. Оправдание Добра. С. 341.

¹⁵ Соловьев В.С. Оправдание Добра. С. 542.

то время социально-политических проектах. Критикуя российский консерватизм за невосприимчивость к идеям общечеловеческого социального прогресса, непонимание ценности личных прав и свобод, Соловьев негативно относился также к социализму и либерализму, считая их односторонними уклонениями в крайности коллективизма и индивидуализма, что не соответствовало его представлениям о должном обществе. В отношении типа социальности он отдавал предпочтение свободной общинности, исключая крайности как обезличенного коллективизма, так и эгоистического индивидуализма. Исходя из христианской мировоззренческой позиции, он видел направление общественного развития в примирении этих крайностей, органическом соединении элементов консерватизма и прогрессизма. В качестве цели прогресса В.С. Соловьев видел личность – разностороннюю, гармоничную и свободную. Он повторяет мысль о том, что человек – ни в коей мере не средство, а цель развития общества.

В сочинениях «Духовные основы жизни», «Оправдание добра», «Нравственность и право», «История и будущность теократии», «Великий спор и христианская политика», «Россия и Вселенская церковь» и ряде других Соловьев уделяет важное внимание разработке христианской социальной философии, проблеме осуществления христианских идеалов в сфере политики, права, нравственности, экономики. К построению своих теоретических разработок он подходит с позиций историзма, находя в последовательности смены форм общественной организации и политического устройства и органический закон, свойственный всему живому, и направляющее действие духовно-нравственного начала, свойственного только человеку и человечеству. Соответственно, новый общественный союз, возникая на базе нравственных принципов предшествующего ему союза, призван перерасти его в духовно-нравственном отношении, если развитие идет по верному пути. Таков путь Добра через историю человечества – от человека природного человека к человеку духовному, от «зверочеловечества» к «богочеловечеству».

* * *

Конечным пунктом философских исканий В.С. Соловьева многие исследователи называют «богочеловечество». К примеру, А.Ф. Лосев писал: «Учение о богочеловечестве, несомненно, является у В.С. Соловьева завершением его теоретической философии»¹⁶. Однако, по

¹⁶ Лосев А.Ф. В.С. Соловьев. М.: Мысль, 1994. С. 147.

всей вероятности, этот идеал русского мыслителя можно спокойно рассматривать как некую «сияющую высоту», которая, подобно абсолютному Добру, абсолютной Истине и абсолютной Красоте, всегда будет манить к себе, побуждать приближаться к себе, но всегда оставаться недостижимой. Гораздо актуальнее, как представляется, глубокие и во многом пророческие размышления философа о приземленном, что ли, синониме понятия «богочеловечество» – о *человечестве* как таковом, о перспективах его существования как единого и взаимозависимого целого, о необходимых условиях *сосуществования* входящих в его состав людей, народов, наций, культур. Именно в этом контексте мыслитель высказал плодотворные идеи, которые оказались поразительно созвучны философским интенциям нашей эпохи, остро поставившей эти вопросы уже не столько в отвлеченно-теоретическом плане, сколько исходя из настоящего требования реальных обстоятельств существования и мира в целом и России как его составной части.

Философ прозорливо усмотрел наступление ситуации, которая столетие спустя будет охарактеризована как «целостный и взаимозависимый мир». Однако единство и целостность мира не означали для Соловьева некую безразличную, субстанциальную слитность, поглощающую всех и вся, ибо это противоречило бы его фундаментальному принципу всеединства. Положительное всеединство мира предполагает безусловное признание самоценности всех входящих в его состав отдельных – государств, народов, племен, личностей. «Я называю истинным, или положительным, всеединством такое, – писал мыслитель, – в котором единое существует не за счет всех или в ущерб им, а в пользу всех. Ложное, отрицательное единство подавляет или поглощает входящие в него элементы и само оказывается, таким образом, *пустотой*; истинное единство сохраняет и усиливает свои элементы, осуществляясь в них как *полнота бытия*»¹⁷.

Идея восхождение человечества к состоянию всеобщей солидарности и примирения, то есть, идея становления всечеловечества, является центральной идеей философии истории, или историософии, В.С. Соловьева. Он не только верил в осуществление своего идеала в будущем, видя в Божественном промысле движение к человеческому всеединству, но и пытался разглядеть в наблюдаемой действительности если не реальные шаги, то предпосылки к сближению и взаимопониманию цивилизованных

¹⁷ Соловьев В.С. Первый шаг к положительной эстетике. С. 552.

наций. В теоретическом же плане идея закономерного движения к человеческому всеединству получила у Соловьева обоснование во «всеобщем законе всякого развития», сформулированном им в 1877 году в первой главе незавершенного труда «Философские начала цельного знания» (позже под названием «О законе исторического развития» эта глава была опубликована в виде приложения к его докторской диссертации «Критика отвлеченных начал»).

Согласно названному закону, человечество как «действительный, хотя и собирательный организм» проходит в своем развитии три основные стадии. Первая стадия характеризуется как первоначальная слитность, «смещение или внешнее единство». Вторая связана с выделением и обособлением элементов этого единства которые «стремятся к безусловной свободе». Третий, завершающий этап развития есть собирание частей и новое, свободное и добровольное, а потому – совершенное единство.

Логическая схема этого закона выстроена по форме гегелевской триады: тезис, антитезис, синтез. Содержание моментов развития, во всяком случае первых двух, Соловьев берет из уже свершившейся человеческой истории. Первая фаза соответствует древнейшему ее периоду, который «представляет как свой господствующий характер слитность, или необособленность всех сфер и степеней общечеловеческой жизни». Подобный тип общественного устройства сохранился на мусульманском Востоке. Второй момент связан с появлением христианства, которое принесло «сознание безусловной свободы, верховное значение лица». Христианство внесло много положительных изменений в жизнь народов европейского Запада, однако распространение духа свободы повлекло за собой утрату прежней цельности жизни. Церковь отделилась от государства, государство, в свою очередь, подчинилось принципу разделения властей, общество распалось на отчужденные друг от друга группы, сословия, на враждебные друг другу социальные классы. Некогда единая и могучая Римская империя распалась на известное количество самостоятельных стран, то и дело ведущих между собой кровавые войны. «Отдельный эгоистический интерес, случайный факт, мелкая подробность – атомизм в жизни, атомизм в науке, атомизм в искусстве – вот последнее слово западной цивилизации»¹⁸, – обобщает Соловьев.

Философ убежден, что логика истории неминуемо ведет к синтезу положительных начал, содержащихся в первых двух моментах

¹⁸ Соловьев В.С. Философские начала цельного знания. С. 171.

развития. Третий фазис мирового процесса, завершая диалектический цикл, призван восстановить утраченную цельность первой стадии, но сохраняя при этом свободу и самоценность личности, самостоятельность государств и общественных институтов – все лучшее, что было добыто на второй стадии. Иными словами, в истории должен произойти синтез восточного и западного типов жизни, диалектическое соединение солидарности и свободы, единства и множественности, соборности и индивидуальности. «Только такая жизнь, – пишет Соловьев об этой высшей стадии развития, – такая культура, которая ничего не исключает, но в своей всецелости совмещает высшую степень единства с полнейшим развитием свободной множественности, только она может дать настоящее, прочное удовлетворение всем потребностям человеческого чувства, мышления и воли и быть, таким образом, действительно общечеловеческой, или вселенской, культурой»¹⁹.

Коль важнейшее завоевание второй стадии – свобода, то и соединение типов жизни должно происходить ни в коей мере не принудительно, а только свободно и добровольно, после осознания самими участниками этого процесса внутренней потребности в таком единстве. «Мир не должен быть спасен насильно. Задача не в простом соединении всех частей человечества и всех дел человеческих в одно общее дело... Дело не в единстве, а в свободном согласии на единство. Дело не в великости и важности общей задачи, а в добровольном ее признании»²⁰. Диалектика формы, таким образом, переводится в этику содержания, логическая идея становится идеей нравственной.

В данном контексте важнейшее значение В.С. Соловьев придает проблеме исключения насилия из практики разрешения политических, межгосударственных конфликтов. Эти вопросы он анализирует в главе 18-й «Оправдания Добра» – «Смысл войны». В ней он высказывает предположение о неизбежности прекращения межгосударственных войн, прежде всего на европейском континенте. Одной из главных причин угасания милитаристских притязаний он считает элементарную эгоистическую расчетливость государств: «И все эти чудовищные вооружения европейских государств, о чем же они свидетельствуют, как не о том великом вседовлеющем страхе перед войной и, следовательно, о близком конце войн?»²¹. Вместе с тем, философ не склонен был наивно полагать, что идея примирения и достижения положительного единства человечества реализуется сразу

¹⁹ Соловьев В.С. Философские начала цельного знания. С. 176.

²⁰ Соловьев В.С. Три речи в память Достоевского. С. 306.

²¹ Соловьев В.С. Оправдание Добра. С. 475.

или в ближайшие сроки. «Зло войны есть крайняя вражда и ненависть между частями распавшегося человечества», – подчеркивает Соловьев. – «Разум запрещает бросать это орудие, пока оно нужно, но совесть обязывает стараться, чтобы оно *перестало быть нужным* и чтобы естественная организация разделенного на враждующие части человечества действительно переходила в его нравственную, или духовную, организацию»²².

Что же касается взаимоотношений между Западом и Востоком, то здесь философ не был столь оптимистичен. Более того, он высказывал предположения о грядущем человечеству столкновении Европы с Азией, что в известном смысле напоминает прогнозы С.Хантингтона. Вместе с тем, Соловьев считал, что военное разрешение конфликта и в данном случае не является фатальной неизбежностью. «Что касается до будущей решительной борьбы между Европой и Азией, – говорит философ, – то при всей ее большой вероятности она не представляет для нас безусловной, извне тяготеющей необходимости. Дело еще в наших руках. Первое условие... состоит в том, чтобы сами христианские народы были более христианскими, чтобы во *всех* отношениях своей собирательной жизни они руководились в большей степени нравственными началами, нежели постыдным своекорыстием и злою враждою, экономической, национальной и исповедною»²³. Переход к отношениям примирения и согласия между народами и государствами, считал Соловьев, будет происходить не сразу. Сперва такие изменения начнут осуществляться в христианском мире, а затем постепенно они охватят всё человечество.

В.С. Соловьев был убежден, что путь к действительному человечеству лежит через общение, коммуникацию, примирение людей и синтез идей. Понятия *примирение* и *синтез* выступают у него этическим и логическим эквивалентами одного и того же, в сущности, процесса. Примирение есть взаимоотношение людей, синтез – взаимоотношение, «примирение» идей. Солидаризуясь с позицией Ф.М. Достоевского в его понимании перспективы взаимоотношений России и Европы, Соловьев высказывает тезис, что «сущность истинного христианского дела будет то, что на логическом языке называется *синтезом*, а на языке нравственном – *примирением*»²⁴. Проблему социального и нравственного примирения людей философ органически связывал со свободным диалогом культур, общением идей, как их синтетическим усвоением, так и взаимной критикой.

²² Соловьев В.С. Оправдание Добра. С. 483, 484.

²³ Соловьев В.С. Оправдание Добра. С. 483.

²⁴ Соловьев В.С. Три речи в память Достоевского. С. 315.

Императив всечеловечества В.С. Соловьева, основываясь на его метафизическом принципе всеединства, был в то же время явным откликом философа на вызовы российской действительности. Известно, что идея некоего должного состояния возникает тогда, когда сущее обостренно в нем нуждается. В России такая идея традиционно распадалась на два полюса, разделявших общество, во всяком случае, его интеллектуально активную часть, на две партии, неустанно спорящих и даже враждующих между собой. История возникновения и последующего развития этих противоположных ориентаций в отечественной мысли, получивших в XIX веке названия «славянофильство» и «западничество», сегодня хорошо известна. Взаимоотношения между приверженцами «своего» и «чужого» на протяжении многих веков определяли состояние общества на том или ином этапе его развития.

В начале своего творческого пути Соловьев пошел по пути славянофилов. Его юношескому миропониманию была созвучна исповедуемая ими идея цельности, а также мысль об особом историческом предназначении России. Эту мысль он проводит в своих ранних сочинениях, особенно отчетливо она звучит в работах «Философские начала цельного знания» и «Три силы». В этих произведениях легко обнаружить мотивы, дающие основания говорить о славянофильской, точнее, русофильской, ориентации Соловьева. Россия, согласно проводимой здесь мысли, есть «третья сила», находящаяся между двух других враждующих между собою сил – Востоком и Западом. Она призвана явить собой судьбоносное место для примирения восточной культуры, исповедующей «обесчеловеченного бога», и западной цивилизации, превозносящей «обезбоженного человека». В русском национальном, православном духе содержатся все необходимые положительные предпосылки для осуществления такого вселенского синтеза.

Но впоследствии Соловьев стал говорить не только о достоинствах, но и о «грехах» России, ибо увидел, что духовное, политическое и экономическое состояние российского общества еще не готово к тому, чтобы претендовать на столь высокую историческую роль. Он выступил с резкой полемикой против радикальных защитников идеи крайнего национализма, ибо увидел, что, утверждая цельность национальную как уникальную особенность России, сторонники этой идеи тем самым расширяли и углубляли разлом между Россией и остальным миром. «Россия обладает, быть может, великими и самобытными духовными *силами*, – писал Соловьев в 1888 году, – но для проявления их ей, во всяком случае, нужно принять и деятельно

усвоить те общечеловеческие *формы* жизни и знания, которые выработаны Западной Европой»²⁵. Это была позиция, призывающая к примирению противоположностей, доказывающая практический смысл их соединения. Однако признание целесообразности и плодотворности такого примирения не стало последним словом в споре приверженцев «своего» и «чужого», и этот спор, что уж говорить, вряд ли скоро закончится.

Соловьев согласен с тем, что Россия и географически, и исторически предрасположена к тому, чтобы именно в ее лоне произошло соединение восточной цельности жизни и духа с европейским типом жизни, сформировавшим свободную личность. Но он считает, что нужно смотреть на этот вопрос не с узкоместнических, а с универсалистских позиций, ибо идея такого синтеза – социальной соборности и свободной индивидуальности – не исключительно национально-русская, а императив мировой истории всего человечества.

Примерно с середины 80-х годов Соловьев национальную идею ставит в подчинение идее универсальной. В работе «Русская идея» он обстоятельно излагает свою доктрину по данной проблеме, где заявляет, что для осуществления собственного национального призвания «нам не нужно действовать против других наций, но с ними и для них», что *«идея нации есть не то, что она сама думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности»*, что *«смысл существования наций не лежит в них самих, но в человечестве»*²⁶.

Но где же оно, это человечество? Не является ли оно лишь абстрактным понятием, лишенным всякого реального бытия? – задает Соловьев вопросы, которые сами славянофилы, пожалуй, чаще всего задавали своим оппонентам. И отвечает: «Оно несовершенно, но оно существует: оно несовершенно, но оно движется к совершенству, оно растет и расширяется во вне и развивается внутренне»²⁷.

* * *

Таким образом, в своем учении В.С. Соловьев во многом предвосхитил постановку, а отчасти и философское решение важнейших современных проблем. Вполне аргументированно можно говорить о том, что Соловьев был первым отечественным и европейским философом, который теоретически и методологически, в

²⁵ Соловьев В.С. Национальный вопрос в России. Выпуск первый // Соч. в 2 т. Т. 1. М.: Правда, 1989. С. 262.

²⁶ Соловьев В.С. Русская идея // Соч. в 2 т. Т. 1. М.: Правда, 1989. С. 246, 220, 228.

²⁷ Соловьев В.С. Русская идея. С. 228.

парадигме целостной системы, обосновал сущность феномена, получившего впоследствии, хотя и в ином понятийном дискурсе, название *глобализации*. Данный феномен основывается на философском фундаменте всеединства, который в социальной философии Соловьева есть одновременно онтология и гносеология, историософия и этика взаимосвязанного, взаимозависимого и взаимообусловленного человеческого *со-существования*, *ко-экзистенции*, *со-бытия* самоценных человеческих «монад» – индивидуальных, социальных, культурно-исторических – в составе единого человечества. В философской системе Соловьева получили фундаментальное обоснование идеи целостности и взаимозависимости мира, актуальные сегодня вопросы диалога культур, неконфронтационного сосуществования государств, взаимопонимания людей и народов. В парадигме именно такого мировосприятия философ строит свою историософскую концепцию восхождения разрозненного и враждующего человечества к состоянию всечеловечества, осознавшего через горький опыт истории необходимость взаимопонимания и примирения.

И если посмотреть на историософию Соловьева с точки зрения дня сегодняшнего, то мы обнаружим в ней множество совпадений и созвучий с современными идеями, сформулированными и высказанными, увы, уже после Соловьева. И это уже не отвлеченные теоретические построения, а конкретные ответы на вызовы нашего сурового времени.

В середине XX века Б.Рассел и А.Эйнштейн призвали мировое сообщество к разоружению и мирному сотрудничеству, их манифест стал мощным интеллектуальным импульсом поворота к новому, неконфронтационному мышлению. Вопросы ненасилия, взаимопонимания, мирного сосуществования и сотрудничества активно обсуждаются на заседаниях Римского клуба, на форумах Международного содружества примирения, целого ряда других организаций аналогичной ориентации. В XX веке сформировались целые направления, ориентированные на философское решение проблем взаимопонимания людей, примирения и согласия между различными мировоззрениями и типами мышления, между народами и культурами. В контексте данной проблематики плодотворно работали и работают П.Сорокин (интегральная культура), М.Бахтин и М.Бубер (философия диалога), О.Шпанн (универсализм), Ю.Хабермас (теория коммуникативного действия), Дж.Гэлбрейт (теория конвергенции), Л.Габриэль (интегральная логика), К.Апель (этика дискурса) и многие другие.

Но наиболее убедительным подтверждением верности философских предсказаний В.С. Соловьева является развитие реальных процессов в мировой истории. В наибольшей мере действие соловьевского закона о трех стадиях исторического развития прослеживается на примере Европы. Исторический путь ее от античности, через Средние века до эпохи Возрождения – это путь от унитарных форм (первая стадия) к образованию отдельных государств и обретению ими политической самостоятельности (вторая стадия). Этот путь был сопряжен с кровавыми конфликтами, с нескончаемыми войнами – внешними и внутренними, между королями и конфессиями, между государствами и коалициями государств. В течение столетия, с 1540 по 1640 годы, только четыре года были мирными, остальные 96 лет были наполнены военными конфликтами²⁸. Но и далеко ходить не надо, достаточно вспомнить две мировые войны в XX веке, в которые были втянуты все европейские государства, и не только европейские.

Нынешняя ситуация на европейском континенте (и даже значительно шире) дает основание полагать, что с окончанием Второй мировой войны завершился второй фазис европейской истории, согласно соловьевской периодизации. Сегодня на этой территории происходят процессы, очень близкие к тому, что предсказывал Соловьев, говоря о третьей стадии исторического развития. Европейские государства, сохраняя свою политическую и культурную самостоятельность, приходят свободно и добровольно к новому единству – в виде Европейского союза, Европарламента, Совета Европы, единого экономического и валютного пространства и т.п. При всех проблемах и неувязках, которые там существуют сегодня, нельзя не признать несомненного прогресса во взаимоотношениях между европейскими государствами. Сегодня невозможно даже представить, чтобы спорные вопросы между ними решались при помощи оружия. И в установлении этих порядков и связей нельзя не видеть параллелей с теми процессами, которые были предсказаны Соловьевым в его «законе всякого развития».

И не только Европа, но и другие цивилизованные народы и государства идут по пути образования единого взаимозависимого мира, становления глобального человечества. И хотя движение по этому пути сопряжено с известными трудностями и проблемами, и пусть не всё происходит буквально по соловьевской схеме – но процесс идет, и его уже не остановить. Ибо альтернативы ему нет,

²⁸ См.: Черняк Е.Б. Вековые конфликты. М.: Международные отношения, 1988. С. 229.

возвращение вспять может означать только одно – самоуничтожение человечества в ядерной войне.

Таким образом, идеи, высказанные В.С. Соловьевым более века назад, независимо ни от мыслителя, ни от его ценителей или критиков, пусть в другой интерпретации и в ином теоретическом ракурсе, свежо и актуально звучат в наше время. Но часто ли вы услышите какую-либо ссылку на Соловьева, когда речь заходит обо всем этом – о человечестве, глобализации, диалоге культур, типов мировоззрений, ненасильственных формах решения спорных политических вопросов? Увы... Здесь, видимо, сказывается наша давнишняя убежденность в том, что нет пророков в своем отечестве. И все та же любовь к крайностям, партикулярная приверженность, чего нельзя найти в учении о всеединстве. Удовлетворить подобные запросы Соловьев не мог, поскольку всегда был *над* крайностями.

Биограф философа, поэт и публицист В.Л. Величко с горечью писал: «Соловьев пришел не в свое время: либо слишком рано, либо слишком поздно!»²⁹. Однако, как представляется, гораздо ближе к пониманию глубины философских прозрений Соловьева был другой его идейный последователь, поэт-символист Александр Блок, который был убежден, что учение мыслителя нельзя втискивать в какие-то временные рамки, ибо Владимир Соловьев был «рыцарь-монах», «занесший золотой меч над временем»³⁰. Блок усматривал в «явлении Соловьева» уже не «несвоевременность», а «надвременность». И действительно, многие мысли философа относятся к его времени, к исходу XIX века, меньше всего. Философия Соловьева своими глубинными интенциями обращена в будущее, она обнаруживает свою актуальность в наши дни.

В целом же можно говорить о том, что в учении В.С. Соловьева мы находим философские ответы на важнейшие вызовы наступившего XXI века. В них мыслитель, «поднявший золотой меч над временем», достаточно верно предугадал основную мировую тенденцию нашего времени, а именно: в условиях целостного и взаимозависимого мира мирному сосуществованию людей и народов нет разумной альтернативы, поскольку дальнейшее движение по конфронтационному пути грозит планетарной катастрофой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асмус В.Ф. Владимир Соловьев. М.: Прогресс, 1994. – 208 с..

²⁹ Величко В.Л. Владимир Соловьев. Жизнь и творения // Книга о Владимире Соловьеве. М.: Советский писатель, 1991. С. 56.

³⁰ Блок А. Рыцарь-монах // Книга о Владимире Соловьеве. С. 332.

2. Блок А. Рыцарь-монах // Книга о Владимире Соловьеве. М.: Советский писатель, 1991. С. 329–334.
3. Величко В.Л. Владимир Соловьев. Жизнь и творения // Там же. С. 12–76.
4. Лосев А.Ф. Вл.Соловьев. М.: Мысль, 1994. – 230 с.
5. Новгородцев П.И. Идея права в философии Вл.С. Соловьева // Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М.: Пресса, 1991. С. 525–539.
6. Соловьев В.С. Кризис западной философии (Против позитивистов) // Соч. в 2 т. Т.2. М.: Мысль, 1988. С. 3–138.
7. Соловьев В.С. Критика отвлеченных начал // Там же. Т.1. С. 581–756.
8. Соловьев В.С. Национальный вопрос в России. Выпуск первый // Соч. в 2 т. Т. 1. М.: Правда, 1989. С. 257–408.
9. Соловьев В.С. Оправдание Добра. Нравственная философия // Соч. в 2 т. Т.1. М.: Мысль, 1988. С. 47–548.
10. Соловьев В.С. Первый шаг к положительной эстетике // Там же. Т. 2. С. 548–555.
11. Соловьев В.С. Письма // «Неподвижно лишь солнце любви...». Стихотворения. Проза. Письма. Воспоминания современников. М.: Московский рабочий, 1990. С. 156–305.
12. Соловьев В.С. Русская идея // Соч. в 2 т. Т. 2. М.: Правда, 1989. С. 219–246.
13. Соловьев В.С. Три речи в память Достоевского // Соч. в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. С. 289–323.
14. Соловьев В.С. Философские начала цельного знания // Там же. С. 139–288.
15. Соловьев В.С. Чтения о Богочеловечестве // Соч. в 2 т. Т. 2. М.: Правда, 1989. С. 3–172.
16. Черняк Е.Б. Вековые конфликты. М.: Междунар. отношения, 1988.– 400 с.